

ЧУДОВИЩЕ

триллеры
о серийных
убийцах

МАНИФИК

Тимур Темников

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т32

Т32 **Темников, Тимур Александрович.**
Манифик / Тимур Темников. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с. — (Чудовище. Триллеры о серийных
убийцах).

ISBN 978-5-04-198415-1

Исай считает себя богом. Он мнит себя шедевром природы и называет манификом. Он знает, как сделать человечество счастливым. Для этого надо методично уничтожить всех несчастных людей. Ибо несчастье передается подобно вирусной болезни. И одного за другим он убивает страдающих, бедных, брошенных, непутевых...

Труп нашли спасатели, которых вызвали соседи — из запертой квартиры доносился истошный вопль кота, а на звонки дверь никто не открывал. Пришлось взламывать. Следователь Виталина Дрозд первой обнаружила жертву — женщину немногим за пятьдесят. Убита острым предметом в область сонной артерии, дыра на полшеи, кровь на полкомнаты. И никаких следов сопротивления. И никаких мотивов.

А вскоре нашли труп мужчины. Отпечатки пальцев на бутылке, которой убийца раскроил бедолаге череп, совпали с теми, что нашли в квартире убитой женщины. И снова — никаких видимых мотивов.

И вот тогда Виталина почувствовала что-то странное в своей душе, словно она каким-то образом была причастна к этим преступлениям...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198415-1

© Темников Т.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Исай несколько раз объехал квартал. Нет, он не переживал, что за ним кто-то следит, и поглядывал в зеркало заднего вида совсем не из-за беспокойства, он просто искал свободное место в забитом машинами районе на западе столицы, ждал, когда какое-нибудь припаркованное авто отчалит и освободит для него пространство. Несмотря на одностороннее движение, он сдал бы назад без всяких колебаний. Да, осторожно. Да, включив аварийный сигнал. Прижался бы, если надо. Извинился с улыбкой. Попросил бы вежливо. Полицейских не было, дорожных камер тоже, Алиса из навигатора честно бы предупредила по поводу последних. А два человека всегда найдут, как договориться друг с другом, если хотя бы один из них не хочет обострять. Исай научился прятать свои сиюминутные желания, когда такое было необходимо для достижения главной цели.

Он минут пятнадцать колесил по уже понятной и изученной дороге. Оставить машину где-нибудь во дворах возможности не было. Хотя проезды возле домов и блестели заманчиво проплешинами пустот, куда могли стать несколько автомобилей сразу, но на въезде каждого двора стоял шлагбаум, вмонти-

рованный товариществом собственников жилья. Все эти товарищи, наверное, никогда не вызывали «скорую» или пожарную машину к своему подъезду для собственного погибающего ребенка или для тушения выстраданных жизнью квартир. Поэтому они с легкостью придурковатости подростка устанавливали препятствия для въезда на отдельные территории города, считая их своей собственностью, а управляющие компании им потворствовали. Хорошо, не додумались до чего посложнее. До противотанковых ежей, например, или, хуже того, минных заграждений, которые можно было бы отключать и включать коренным обитателям локальных многоэтажек с помощью пикалки в кармане. Похрен, что кому-то другому надо, главное — двор свободен и дышится легко.

Наконец Исай утомился медленно объезжать территорию и съехал в другую сторону от нужного дома. Там, метрах в пятиста, он все-таки поймал взглядом сдающий с парковки седан, мысленно поблагодарил вселенную, улыбнулся и вкатил свое авто на бесплатное место, слегка подруливая, едва работая только педалью тормоза и чувствуя габариты своего автомобиля как собственное тело.

Закрыв машину, он снова воспользовался навигатором, который приятным женским голосом сообщил Исаю о количестве метров до нужного ему адреса, прочертив маршрут на карте экрана. Мужчина набрал на телефоне сочетание цифр и произнес в трубку, что будет через четырнадцать минут. Ему указали номер подъезда и попросили еще раз набрать, когда он будет рядом, чтобы продиктовать код домофона.

Он шел улыбаясь и внимательно разглядывая прохожих. Всматривался в их лица, вглядывался прямо в глаза. Некоторые, особенно совсем пожилые женщины, улыбались в ответ. Другие испуганно отшатывались: мало ли чего можно ждать от незнакомца, который оголяет свои зубы и пялится на тебя в упор. Если Исай обгонял кого-то, он вдыхал запах прохожего и наполнялся новыми ощущениями. От человека в потертом синем рабочем комбинезоне резко пахло потом. Исай вспомнил, что такой запах он чувствовал в детстве от своего деда, который жил за городом и не сидел ни минуты, а постоянно что-то делал: то строил сарай во дворе, то окучивал яблони в саду или копался под капотом машины, выкатив ее на самый солнцепек. Его рубашка цвета хаки пропитывалась темными пятнами, как будто сухая земля, которая истосковалась по влаге. Капли пота с широкого мясистого носа падали прямо на карбюратор желтой «Нивы», дед постоянно вытирал глаза, потому что его длинные седые брови и ресницы забивались соленой водой, стекающей со лба. Исай очень любил старика. Когда тот умер, Исай обнял его коричневый пиджак, в котором тот работал в прохладное время года, и вдыхал родной запах, не желая отпускать дедулю и в то же время понимая, что его не вернешь.

Сейчас Исай услышал почти такой же запах, и как будто его сердце застучало чаще от воспоминаний. Но он, конечно, понимал, что ему не пять лет, а человек в комбинезоне совсем не отец его матери. И все равно наверняка прохожий был хорошим человеком. Может быть, даже совсем молодым. Возможно, гораздо моложе Исая и годился

ему в сыновья, со спины не было видно, но Исай чувствовал, что тот пах хорошим человеком. Как дед в его детстве.

Еще была какая-то дама с собачкой на поводке, такой мелкой, противной, гладкой, как валенок, бежевого цвета, с лупатыми коричневыми, как говно, глазами, завернутым в кольцо острым хвостом и черным, тыкающимся в разные стороны носом. На даме, больше походившей на бабу, торгующую на остановке вещами из «Фикспрайса», был коротко стриженный парик. Казалось, что он сделан из вычесанной шерсти ее лупатой собаки. От бабы резнуло табаком. Целой сгоревшей табачной фабрикой. Еще в запахе была немытость и вонь собачьей шерсти, намокшей под дождем. Исай сказал себе, что важно успокоиться и не принимать все близко к сердцу. В конце концов, у каждого из них своя жизнь. По крайней мере, до поры до времени.

Почти у самого поворота к дому Исаю ждал сюрприз, от которого ему стало влажно и вкусно на языке, как от первого поцелуя. Впереди шли две девушки. У обеих были длинные волосы одинакового темно-русого цвета, только у одной они подвигались на концах, а у другой были прямые. Но у обеих чистые, слегка развевавшиеся по легкому ветру, который будто возникал от движения изящных граций через тенистое и безветренное лето улицы. Исаю казалось, что он может разглядеть каждый волосок на их красивых головах. Он даже потянулся пальцами, чтобы ухватить один и не отпустить, а оставить его себе на память. Хозяйка точно бы не заметила, разве что машинально провела броским маникюром по темечку, проверяя,

все ли в порядке. Но в последний момент мужчина почему-то напрягся и отдернул руку. Обе девушки смеялись, прерывая собственное щебетание. Обе замолкали одновременно на пару секунд, чтобы тут же возобновить едва уловимую его ухом болтовню, перебивая одна другую, обе жестикулировали аккуратными ладонями приятно взгляду, демонстрируя свои тонкие запястья. Исай разглядывал девушек со спины и лиц не видел, но ему снова было достаточно аромата. Они пахли жизнью, мечтами о счастье и радостью от того, что все еще впереди. Он закрыл глаза от удовольствия и остановился, чтобы отпустить от себя эту красоту и совсем не опьянеть от нахлынувших на него переживаний.

Остановился он вовремя, потому что справа от него был нужный ему дом. Унылая, как ему показалось, девятиэтажка странным образом затесалась среди окружавших ее высоток. Подъезд, обозначенный в телефонном разговоре, мужчина отыскал сразу. Их в доме было всего два. Исай подумал, что исходя из закономерности случайных явлений шансов найти нужный вход с первого раза у него было пятьдесят на пятьдесят. Он посмотрел на часы. Со времени разговора прошло тринадцать с половиной минут. Исай изучил домофон, огляделся по сторонам и с началом четырнадцатой минуты нажал на кнопку вызова своего смартфона.

Сотовый снова ответил женским голосом, тем же, что и прежде, продиктовал порядок кода, этаж и квартиру. Исай почувствовал внутреннее напряжение. Обычное напряжение для таких ситуаций. В них всегда была неизвестность. Он мог встретить совсем другого человека. Не того, чье фото видел

на экране своего гаджета. Или же его помятую и даже уродливую копию. Такое происходило часто, когда ожидания не совпадали с действительностью и крайне редко приносили желаемый результат. А совсем уж в исключительных случаях превосходили его. Квартира была на втором этаже, потому Исай не стал ждать лифта, а сразу пошел по ступеням наверх. Он шел медленно, успокаивая дыхание, приводя в порядок эмоции, которым крайне редко давал волю, и вытирая о джинсы влагу с ладоней.

От лестничной площадки в обе стороны простирались два коридора. Он помнил, что двигаться нужно в правый. Коридор был захламленный: пыльные ящики с пустыми банками, детский велосипед с давно налипшей на колеса и успевшей превратиться в камень грязью, вереница дверей с разномастной дерматиновой обивкой, а кое-где и совсем без нее, одна напротив другой в шахматном порядке.

Исай напряженно нахмурил брови, ему уже не хотелось сюда идти. Но его звал долг, а долг — штука важная. Слева, в конце коридора, приоткрылась дверь. Он почувствовал, что та заскрипела в ожидании именно его. Подойдя ближе, Исай ощутил в носу спертый воздух, в котором смешались тысячи запахов, ни один из которых не был приятным. Он заглянул внутрь квартиры. Абажур на высокой толстой деревянной стойке в глубине комнаты, что была прямо за маленькой прихожей, выдавливал красный свет через плотную парчовую ткань, делая воздух еще более густым.

Перед Исаем, прикрытая темнотой квартиры, стояла женщина. Маленькая. Ее голова едва дохо-

дила мужчине до мечевидного отростка грудной клетки, где располагалось солнечное сплетение. Он несколько удивился, когда прочитал анкету на сайте. В анкете значился рост сто сорок восемь сантиметров. У Исаия за всю жизнь не было таких дюймовочек. Хотя ему хотелось моложе, а возраст в анкете был обозначен цифрой сорок пять, Исай подумал, что это не так уж и важно, лишь бы не была уродиной, зато новый опыт с ростом. А пока в красноватой тусклости прихожей он не мог даже разглядеть черт ее лица, да и бог с ним, с лицом, подумал он. Ее асимметричное боб-каре выглядело точь-в-точь как на фото. Там, на тех ее фотографиях в бежевом боди, ее тело было без малейшего изъяна, стройное, подтянутое, как у восемнадцатилетней студентки педагогического колледжа. И еще в анкете был размер стопы. Тридцать пятый. Исай, двигая пальцем по экрану планшета, представлял, как обхватит ее ножку своей ладонью и оближет каждый пальчик этой волшебной феи, чтобы отправить ее в головокружительное сумасшествие от яркости прикосновений, чтобы подарить ей счастье ощущений, которых она точно не испытывала до него, чтобы она зажала свой рот маленькой ладонью и стонала от удовольствия, закатывая глаза и подрагивая веками.

Женщина в прихожей была в белье, чулках и корсете. Последний чуть не лопался на ее пузике, словно эта маленькая шалашовка проглотила тыкву, которая там, внутри ее тела, превратилась в целую карету. Исай изо всех сил сдерживался, чтобы подавить разочарование, которое всю его жизнь находилось где-то внутри, под грудной клеткой, но перио-

дически словно кто-то бросал в него дрожжи, и оно, разочарование, росло на глазах, заполняя каждую клеточку тела, а иногда и прорывалось наружу. В такие минуты Исай не понимал, что делал, точнее, не руководил своими действиями. Действиями руководило разочарование. А Исай просто наблюдал. Где-то брезгливо морщился, где-то даже испытывал страх, но всегда сочувствовал своему разочарованию. Понимал, почему оно так бесится, и одновременно хотел его успокоить.

Сейчас он тоже ощущал, что оно может вырваться наружу. Пока Исай мог его контролировать, он, слегка отшатнувшись, посмотрел на ступни женщины, вспомнил, что они должны были быть крохотными, и надеялся, что такое обстоятельство хоть как-то утихомирит ту малоуправляемую реакцию, что происходила внутри него. На ее ногах были туфли. Черные. Лаковые. На высокой шпильке. Маленькие туфли. Исаю стало легче.

— Что-то не так? — спросила она.

Мужчина натянуто улыбнулся, не желая смотреть ей в глаза, чтобы не бесить свое разочарование, и ответил, что все замечательно. Он больше не хотел облизывать ее пальцы, но и уходить тоже не хотел. Развернуться и уйти означало признаться, что его развели как мальчишку. Просто он заплатит ей за все услуги, а себя самого заставит почувствовать удовольствие. Потому что так надо.

Моясь в душе, он понимал, что испытает опустошение, как только кончит. Тогда он точно не сможет совладать с тем, что внутри него. Потому он дал себе слово не делать этого. По крайней мере сразу. Он вернулся в комнату, положил купюры на

журнальный столик, указал ей, какую позу нужно принять, и принялся за дело.

Через пять минут сухого, напряженного, но безжизненного совокупления Исай устал. Он оставил ее на диване, придвинул к нему стул с подлокотниками, который можно было назвать креслом только с большими допущениями, и, усевшись, скинул презерватив на пол, стал смотреть. Она натянула новый презерватив на искусственный член.

— Зачем? — спросил Исай. — Это же твой.

— Я очень брезглива, — ответила она, едва улыбнувшись, словно извинялась за такой легкий недостаток.

Он старался избегать взглядом вспучившегося на животе корсета, попросил не снимать туфли, наконец разрешился и, тяжело дыша, сходил к раковине в ванной, чтобы смыть с руки сперму.

— Чем у тебя здесь так воняет? — спросил он, когда вернулся. Почувствовав, как его тело обмякло, медленно сел на стул, откинулся на спинку и примостил локти на коротких и узких деревянных выступах, которые назывались подлокотниками.

Сдвинув ноги и с безразличием выдохнув, она ответила, что живет с котом.

Точно! Это был запах некастрированного кота, который метит все углы, каждый день объясняя миру, кто здесь хозяин. Исай сглотнул, чувствуя комок вязкой слюны, наполненный кошачьим пренебрежением. Он хотел бы выплюнуть его, но слюна уже была где-то глубоко в горле, потому только откашлялся, понимая, что добавил еще один глоток к своему разочарованию.

— Где он? — спросил мужчина.

— Кто?

— Кот.

— Да вот же, — женщина указала на стойку рядом с кроватью.

Это была когтеточка в виде трех цилиндров, обмотанных сизалем, на верху которых, как на подставке, располагалась площадка размером около половины квадратного метра. Исай не обратил на нее внимания сразу. Теперь, когда глаза привыкли к красному полумраку, он отчетливо ее разглядел. Заметил и то, что лежало сверху. Что-то похожее на пару кроличьих шапок или груды ангоровых варежек темного цвета.

— Это он? — спросил Исай.

— Он, — ответила женщина.

Мужчина встал и подошел к коту. Исай наклонился, чтобы получше разглядеть того, который ни разу за все это время не дал о себе знать. Животное лежало на боку, повернувшись спиной к пространству комнаты. Рядом зачем-то лежали ножницы. Большие. Раскроечные. Глаза кота были открыты. Когда человек приблизился, животное не шелохнулось, словно было привычно к такому любопытству. Кошачьи зрачки даже не изменили своей величины, и глаза не дрогнули, пусть едва заметно, чтобы переключить свою ленивую сосредоточенность со стены на человека. Мужчина коснулся рукой кошачьей шерсти, потом склонился ниже и понюхал. Пахло меховым воротником из его детства. Он хранился в шкафу много лет. Мать Исаю хотела однажды отнести его в мастерскую и пришить себе на пальто. Но подходящего пальто не находилось. Все были дешевые пуховики из Китая, набитые синте-

тической ватой, которая сбивались в комья к середине сезона. Воротник съела моль.

Наконец кот недовольно уркнул, словно желая избавиться от назойливого постороннего. Исай подумал, что он держит себя в руках, несмотря на предположения под душем. Он посмотрел на маленькую женщину, которая сидела на кровати полубоком, откинувшись спиной на стену и согнув ноги в коленях. Туфли она не снимала, как просил Исай. Ее живот все так же продолжал вспучивать корсет, но теперь уже раздражал с меньшей силой. Лицо ее не было красивым: курносый нос, одутловатые щеки, впалые глаза.

— Сделай мне массаж, — сказал он.

Она посмотрела сначала на него, с легким брезгливым прищуром, который словно просил свалить поскорее, потом — с надеждой — на свой телефон и, вероятно понимая, что проплаченное время еще совсем не кончилось, ответила:

— Ложись.

Исай подумал, что из-за красного полумрака не видит, насколько замызганы простыни. Он зажмурил глаза и, стиснув зубы, лег на живот. Она уселась где-то справа от него и стала елозить своими маленькими ладошками по его спине. Движения были монотонными, равнодушными, словно пропитанными обреченностью. Исай почему-то представил ребенка-идиота, раскачивающегося в сидячей позе на кровати с панцирной сеткой.

Ему хотелось встать и уйти, но Исай себя останавливал, считал, что должен здесь пробыть все оплаченное им время.

— Как тебя зовут по-настоящему? — спросил он.